

— Хуагай, почему ты не заходишь? — раздался из дверей раздражённый голос Хуа Тяня.

Почуввав присутствие Императора Хуагая, который всё медлил снаружи, и видя, что остальные четверо уже теряют терпение, он решил сам выйти на его поиски.

— Я... — Император Хуагай нерешительно покосился на яркую вывеску Палаты Возвращения Весны, а затем — на зазывающих гостей девиц.

Хуа Тянь сразу всё понял.

— В первый раз все так реагируют. Привыкнешь, — усмехнулся он и, бесцеремонно схватив Императора за руку, втащил его внутрь.

Пока они поднимались по лестнице, Хуагай не смел даже поднять глаз. Кончики его ушей залила пунцовая краска, а к щекам прилил жар. Хуа Тянь наблюдал за его смущением с видом заботливой матушки.

— Что же ты так долго? — с наигранным любопытством спросил Лань Цзыцзюнь.

Он, конечно, предвидел реакцию почтенного божества, но даже если бы не угадал — полыхающее лицо Хуагая говорило само за себя.

Император Хуагай словно и не слышал вопроса. Едва переступив порог, он застыл, не отрывая взгляда от Цзянь Цзяня. В его глазах отразилось глубокое потрясение — точь-в-точь такое же, какое испытал Лань Цзыцзюнь при их первой встрече. Почувствовав на себе этот тяжёлый, пристальный взор, Цзянь Цзянь неловко опустил голову и принялся нервно оглядываться по сторонам.

— Хуагай, внизу ты даже на девиц взглянуть робел, а стоило подняться — и сразу пустился во все тяжкие? — поддразнил его Хуа Тянь.

От этих слов Император покраснел ещё гуще. С трудом взяв себя в руки, Хуагай наконец вспомнил, что ему задали вопрос, и сухо ответил Лань Цзыцзюню:

— Я пришёл давно. Просто... не решался войти.

На этот раз Хуагай не стал, как обычно, избегать чужого взгляда. Напротив, он прямо и сурово посмотрел на Лань Цзыцзюня, и в его глазах читался немой упрёк.

Лань Цзыцзюнь вызов принял и упрямо воззрился на него в ответ. Их безмолвное противостояние не укрылось от внимания Хуа Тяня. Всё изменилось именно в тот миг, когда они увидели Цзянь Цзяня.

— Ведите меня к формации, — раздражённо бросил Император Хуагай.

Ему не терпелось поскорее убраться из этого вертепа. Он резко взмахнул рукавом и решительно направился к выходу.

— Брат Цзыцзюнь, чем ты так разгневал Хуагая? Чего он взъелся? — шёпотом спросил Хуа Тянь.

— Тебе ли не знать, почему он злится, — буркнул Лань Цзыцзюнь, одарив Хуа Тяня хмурым взглядом, и последовал за Императором.

Хуа Тянь растерянно захлопал глазами, чувствуя себя глубоко оскорблённым в лучших чувствах:

— Да какого хрена? Я-то тут при чём?! Я вообще ни черта не делал!

— Сейчас главное — разрушить формацию, — мягко произнёс Цзянь Цзянь, слегка потянув Хуа Тяня за руку, чтобы успокоить.

Хуа Тянь немного приободрился, и вся компания дружно направилась к горе Шэрао.

— Хуагай, это здесь. Вот эта гора, — указал Хуа Тянь.

Перед взором Императора Хуагая предстала величественная гора, покрытая буйной сочной зеленью и так и дышащая первозданной жизнью. По меркам смертного мира она казалась огромной. Ещё издали до ушей доносился несмолкаемый многоголосый гул — щебет птиц, призывные крики и шорохи сотен лесных обитателей. На первый взгляд, это было самое обычное, цветущее чудо природы.

— Утром мы пустили туда лошадь, но от неё до сих пор ни слуху ни духу, — пояснил Хуа Тянь.

Он уже не раз обследовал эти места и перепробовал множество способов пробиться внутрь, но, признав поражение, был вынужден обратиться к Императору.

В этот момент Чжун Ли подвёл к ним Юй Цзыи. Император Хуагай сдержанно кивнул юноше.

Юй Цзыи поклонился в ответ, хотя в его взгляде проскользнуло явное недоумение.

— Жалкие детские забавы. Тут и ломать нечего, — равнодушно бросил Император, окинув гору лишь одним беглым взглядом и мгновенно отыскав брешь в защите.

Небрежным жестом он призвал из воздуха даосскую мухоловку-фучэнь. Стоило ему сделать несколько плавных движений, как пушистый хвост кисти соткал под его ногами невесомое облако, плавно увлѣкшее Императора ввысь. Спустя мгновение он уже парил на уровне горных пиков, превратившись для оставшихся внизу спутников в едва различимую точку.

Отыскав главную змеиную жилу горы, Хуагай прицелился точно в её уязвимое сочленение и нанѣс сокрушительный удар. Его зычный голос эхом раскатился над ущельями:

— Жалкая змеиная жила, как смеешь ты притворяться драконьей? Изыди!

Земля под ногами содрогнулась, горный хребет глухо затрещал. На глазах у изумлѣнных путников некогда сочно-зелѣная, цветущая гора начала стремительно увядать. Листва осыпалась прахом, вековые деревья обратились в скрюченный, мѣртвый сухостой. Шумный, полный жизни лес в один миг погрузился в леденящее, кладбищенское безмолвие.

Все пятеро заворожѣнно наблюдали за этим невероятным зрелищем снизу. Разрушение грандиозной иллюзии развернулось прямо перед ними, словно величайший из когда-либо виденных фокусов.

— Дело сделано. Дальше справляйтесь сами, — холодно донѣсся сверху голос Хуагая.

Он даже не снизошѣл до того, чтобы спуститься. Всѣ ещё пребывая в явном раздражении, Император взмыл ввысь и скрылся в облаках, возвращаясь в Небесный дворец.

Путники долго стояли молча. Лишь спустя какое-то время они опомнились и попытались сделать шаг вперѣд, но тут же наткнулись на преграду. Путь им преграждал невидимый исполинский купол. Сколько по нему ни стучали, преграда даже не дрогнула.

— Чжун Ли, приготовься, — Лань Цзыцзюнь первым разгадал замысел улетевшего Императора и многозначительно кивнул на мешок сокровищ воина.

Поняв его без слов, Чжун Ли развязал свой мешок сокровищ. Хуа Тянь тут же спрятался за спину Лань Цзыцзюня, пытаясь разглядеть, что там внутри. Цзянь Цзянь, в свою очередь, испуганно пристроился за плечом Хуа Тяня. Даже Юй Цзыи не выдержал и с любопытством вытянул шею — эта странная компания не переставала удивлять его своими секретами.

Когда Чжун Ли извлѣк на свет божий три покрытые толстым слоем ржавчины сабли, Хуа Тянь разочарованно протянул:

— И это всё? Мы что, лавку старѣвщика грабить собрались?

Юй Цзыи, будучи превосходным мечником, неплохо разбирался и в другом холодном оружии.

— Неужели... это легендарные клинки «Три Снега», принадлежавшие самому Чжун Ли по прозвищу Призрачная рука? — ошеломлённо спросил он и во все глаза уставился на Чжун Ли.
— Постой, так ты и есть Чжун Ли?! Да быть того не может! Великий мастер Чжун покончил с собой больше века назад!

Взгляд Чжун Ли загорелся при виде старого оружия. Он благоговейно коснулся рукояти. Стоило пальцам ощутить шершавую ржавчину, как в его душе всколыхался бурный вихрь давно забытых чувств: ярость пополам с чистой детской радостью, щемящая тоска разлуки и — сильнее всего — робкая, но властная надежда.

— Пора явить их истинный лик, Чжун Ли, — подбодрил его Лань Цзыцзюнь.

Целое столетие мир не видел грозных отблесков Кровавого, Чернильного и Бирюзового Снега. Никому более не доводилось созерцать смертоносный танец Призрачной руки. Когда-то слава о великом мастере гремела по всей Поднебесной. На самом пике своего могущества он внезапно оборвал свою жизнь на горе Лишань, оставив потомкам лишь горькие вздохи и неразгаданные тайны.

Чжун Ли медленно потянул рукоять первого клинка. Из ножен скользнул Кровавый Снег. Его багровое лезвие отливало пугающим глянцем, словно сталь только что омыли в тёплой крови. Казалось, за долгие годы бесчисленных сражений алая влага намертво въелась в самую суть этого оружия.

Следом обнажился Чернильный Снег. Тёмный, глубокий, точно безлунная ночь, клинок испускал призрачное матовое свечение, заставлявшее любого невольно отступить в страхе.

И наконец, явился Бирюзовый Снег, окутанный потусторонним изумрудным сиянием.

— Моё почтение, великий герой Чжун! — Хуа Тянь со всем уважением поклонился воину, сложив ладони.

Одно дело — слышать о его былой славе, и совсем другое — воочию лицезреть эти легендарные клинки. Кто бы мог подумать, что всё это время его бок о бок сопровождали такие невероятные мастера!

— Что вы, господин, я не достоин такой чести, — смутился Чжун Ли, поспешно перехватив его руки и не давая закончить поклон.

— Только поосторожнее с оружием! — испуганно пискнул Хуа Тянь, мгновенно отпрянув на безопасное расстояние.

— Не извольте беспокоиться, господин. Они у меня смирные, — ласково улыбнулся Чжун Ли.

Он нежно провел пальцами по лезвиям, и грозные клинки отозвались едва заметной, живой вибрацией, словно ластящиеся кошки.

Хуа Тянь лишь скептически усмехнулся про себя.

«Тоже мне, укротитель. Откуда тебе знать, послушные они или нет? Меч есть меч, в любой момент может без пальцев оставить».

— Ну, раз так, я полностью тебе доверяю, — преувеличенно бодро произнёс он вслух, продолжая при этом тихонько пятиться.

Находиться в непосредственной близости от Призрачной руки было всё же чертовски боязно.

Чжун Ли взмахнул клинком. Короткое, почти неуловимое движение — и преграждавший им путь гигантский невидимый купол со звоном разлетелся на мириады сверкающих осколков.

Все невольно вскрикнули, закрывая головы руками от летящих брызг духовной силы. Лишь Юй Цзыи ни на миг не потерял самообладания. Игнорируя сыплющиеся сверху искры, он самым первым ринулся на освобождённую от чар гору Шэрао.

Внутри царило полнейшее опустошение. Горные ручьи иссохли, превратившись в пыльные каменистые русла; пожухлые сорняки слепо ползли по растрескавшейся глине в тщетной надежде отыскать хоть каплю влаги. Повсюду груды гнили трупы речных тварей, источая невыносимый удушливый смрад. Из чащи доносился лишь тихий, изнурённый рык оголодавшего зверья, безнадежно ждавшего хоть какую-то добычу. Гнетущая, зловещая атмосфера мёртвого леса давила на плечи, и путники продвигались вперёд в полном, угрюмом молчании.

— Тише. Там, впереди, какой-то шум, — вполголоса нарушил молчание Хуа Тянь после нескольких часов изнурительного пути.

<http://bllate.org/book/18412/1796485>